

Ежегодный 25-ый православный церковно-певческий съезд пройдет 5-9 октября 2016 года в Свято-Николаевском Соборе в Монреале (по адресу 422 St. Joseph Blvd. W., Montreal). Во время Богослужений в субботу вечером и воскресенье утром 8-го и 9-го октября в хоровом пении будут заняты все участники съезда – певчие из разных городов Канады. События подобного этому еще не случалось в стенах собора.

Цель съезда состоит в том, чтобы собрать вместе певчих и регентов, продолжить исследования богатства и красоты музыкальной традиции Русской Православной Церкви. Участникам ее будет предоставлена уникальная возможность получения практических и теоретических знаний в этой области: им будут читаться лекции, работа будет вестись на симпозиумах и в рабочих группах, а также в ходе спевков. Участники конференции получают возможность обмениваться идеями и мнениями, найти единомышленников и, наконец, расширить свой литургический репертуар. Все это найдет свое наивысшее выражение в Церковных богослужениях Архиерейским чином.

Почётный гость съезда в этом году – регент и композитор Монахиня Иулиания (Денисова), (Свято-Елисаветинский монастырь, Минск, Беларусь).

Из публикации Татьяны Батюк «Свой путь в монастырь – от успешного музыканта и счастливой мамы к старшему регенту Свято-Елисаветинского монастыря»:

«Душа тосковала по благозвучию

– Еще до прихода в монастырь вы начали писать богослужебные песнопения.

Профессиональные музыкальные вкусы выпускницы Ленинградской консерватории Ирины Денисовой легко подчинились требованиям церкви?

– Мне не нравилась авангардная профессиональная музыка, хотя диплом писала по Стравинскому. В то время многие коллеги считали трезвучие отжившим элементом, Моцарт, Чайковский, Рахманинов – в прошлом. А душа не признавала диссонансов, тосковала по благозвучию. Я пришла петь в хор к Лене Дихтиевской, и выяснилось, что вот оно где, оказывается, нужно! Тогда было очень мало нотной литературы. Требовалось «недописанное» – то, чего нет для практических нужд хора.

Первые песнопения писала под псевдонимом – для смирения, чтобы не выпячиваться. Но обернулось это обратной стороной. На первой же спевке начали хвалить: «Кто? Откуда? Да мы никогда ничего лучшего не пели!» Они же не знали, что я автор, иначе бы не стали – вредно для христианина. А я только пару лет как воцерковилась. Думаю, ну нет, хватит с меня, уж лучше подпишусь своим именем. Неофитствующее сознание хочет смиренничать. Человек я была очень гордый, надменный, знающий себе цену, самоуверенный. Если такое сознание вдруг поворачивается к Богу, то понимает: ничего этого не нужно, учись быть не первой, не начальствовать, слушать другое мнение. А когда творишь, создаешь что-то новое, возникает почва для гордости...

– Но ведь хочется делать свое дело профессионально. И когда оцениваешь его как профессионал, понимаешь, что выполнено оно, допустим, неплохо. Это нормальный подход? Или гордыня?

– Мотив важен, как и во всем. Стоят на сцене два человека, сегодня Сидоров, завтра Петров. Играют на скрипке Крейцерову сонату. Один из них первый раз в жизни вышел к публике, и для него музыка важнее всего, хочется донести ее до слушателя. А другой по часам играет – ему так платят. Все высокие мотивы давно в прошлом, он теперь зарабатывает деньги. И это слышно.

Таланты – дары, которые дает Господь. У нас своего ничего нет. А мы присваиваем. Вот же сущность человеческая – все себе присвоить! У меня высокий рост, я классно играю в баскетбол. Я! Не Бог меня таким сделал, а моя заслуга.

Конечно, понимаю: человек, окончивший консерваторию, будет лучшим профессионалом в своем деле, чем тот, у кого лишь семилетка. Но главное – мотивация. Если пишешь музыку или руководишь хором, который собирает полуторатысячные залы, вопрос в том, кому это посвятить. По послушанию: ты монах, тебя благословили, иди на сцену и пой или дирижируй. Тогда беспокойство о букетах снимается. В Питере в Большом зале филармонии много лет поем великопостный концерт. Заваливают цветами. На следующий день раздаю их певчим – и те несут по разным храмам: кто к Ксеньюшке Блаженной, кто к Иоанну Кронштадтскому, кто в Александро-Невскую лавру. Хотя бы таким образом возвращаем Богу то, что Он нам дает.

Я так больше не могу

– Один из преподобных отцов говорил: «Если бы люди знали, как трудно быть монахом, никто не пошел бы в монастырь, но если бы знали, какое счастье быть монахом, в миру бы никого не осталось». Вы знали?

– Путь в монашество после 50 лет... Одна жизнь уже прожита. Выращены дети, была семья, карьера, материальное благополучие, отдельная квартира – все, чего люди обычно хотят. И что-то этой душе стало невыносимо... А другие приходят совершенно иной историей. Но общее есть – безусловный призыв. Когда человек его чувствует? Почему? И что это такое? Услышала голос: «Все брось, иди в монахи»? Бред. Призыв – не голос свыше, а невозможность жить как прежде. Мучаешься, не понимаешь, чего от тебя хочет Господь.

От катастрофы я пришла к Богу в храм. А от излишнего благополучия – в монастырь, потому что душе оно вредит. Я вела достаточно светский образ жизни, при том будучи регентом одного из крупнейших минских соборов. Внутри созрел протест, душе нужны были перемены. Но какие? Какой монастырь? Вообще никогда не думала о монашестве, потому что я человек рациональный. С тремя детьми станешь прагматиком, тем более, с какого-то момента одна их воспитывала... И вот сижу в только что отремонтированной квартире, дочка замужем, старший сын женат, младший поступил в Московскую консерваторию, уехал. Полная свобода, 35 пар обуви, шкаф косметики, блаженствуй. А внутри крик: я так больше не могу! Моя духовная жизнь перестроилась таким образом, что нельзя было оставаться в миру.

Суббота. Пришла к духовнику: «Надо что-то со мной делать. Может, в монастырь пойти?» Ответил: «Ну иди». Подумал и добавил: «Я поговорю с сестрами, помолимся. Приходи в понедельник». За эти три дня все решилось, словно Бог нажал на последнюю кнопку.

Если ты оставил мир ради Господа, Он позаботится о твоих близких. Не в том плане, что даст им машины-вертолеты, а приведет к вере. И судьбу детей, кстати, Он так устроил, как я даже и не мечтала. Что мне нужно как маме и монаху? Чтобы они с Богом были. По-настоящему, сами. Не потому что за ручку маленьких водила в храм, но обрели свои основания для веры. Так и есть. Для меня это большое счастье... К сожалению, мой родной брат – неверующий и некрещеный. Беда. И, конечно, повод посильней молиться.

Не ушла в монастырь, а пришла

– В книгах о монашеской жизни доводилось читать, как будущих иноков родные или друзья отговаривают от решительного шага. Пугают: ты человек образованный, интеллигентный, культурный, а там тебя неграмотные тетки будут смирать. А коли артистка, поставят, простите, туалеты чистить...

– Тому, кто подобным образом понимает монастырь, нечего в нем делать. Я думала примерно так: иду умирать, потому что все свое оставляю здесь. Для меня это было хождение по водам. Помните евангельскую историю? Петр увидел Христа, идущего по озеру: «Господи, повели мне, и я пойду к тебе». А буря, волны. «Иди». Спрыгнул и пошел, как по асфальту. Но, испугавшись бури, усомнился – и повлекло ко дну. Христос протянул руку, спас... Вот начальный путь: Христос позвал – и я иду.

Когда Господь призывает из неверующего состояния в верующее, Он очень сильно поддерживает Своей благодатью, на ручках несет. А потом отступает. Для Бога важно, чтобы ты сам. И в монастыре на новом витке так же. Поэтому для меня смысл был в том, чтобы «интеллигентного человека», наконец, поучили «неграмотные тетки». Хотя здесь нет таких, костяк обители – люди с высшим образованием, профессией, умные, имеющие опыт монашества под руководством такого человека, как наш батюшка (духовник монастыря протоиерей Андрей Лемешонок. – Прим. авт.).

Монастырь – школа смирения. Если она тебе не нужна, не останешься.

В первые дни, недели тебя все особенно любят, обхаживают, потому что понимают: большой стресс – переменить жизнь. Я, придя, поменяла абсолютно все – местожительство, одеяние, семейное положение, образ мысли... В космос полетела. А надо привыкать. Стала 74-й в монастыре. У меня 73 сестры – и всех нужно полюбить. Каждую! И с каждой наладить отношения. Невероятно трудно. В миру все-таки от этого свободен. Даны только ближние, которые живут с тобой в одной квартире и являются источником духовной учебы – смиришься или нет, научишься терпению? А тут сотня таких.

Мы все пришли из мира. В монастыре нет отбора – приличный человек, подходишь под название «святой»? Не подходишь, вон отсюда! Так не есть. Батюшка и матушка-настоятельница берут всех, верят, что Бог прислал. У нас говорят: не ушел в монастырь, а пришел.

– Нынешнее послушание сразу выпало?

– Батюшка благословлял меня на регентство еще в Свято-Петро-Павловском соборе. И здесь тоже. Естественно, когда человек церковной профессии приходит в обитель, отчего ж не использовать его по назначению. А через несколько месяцев взяли и мой прежний коллектив, он стал Праздничным хором Свято-

Елисаветинского монастыря. Жизнь показала, что это необходимо: у нас 17 литургий в неделю, в воскресенье 5, по субботам в Великий пост 7. Потому что в каждой больнице, которую окормляем, мы построили храм, плюс на двух подворьях, на Северном кладбище... Сейчас возводим уже 11-й.

Для своего хора сама пишу песнопения и делаю обработки. В обители есть аудиостудия – как не записываться? Конечно, и запись, и монтаж, и сведение фонограмм – мое послушание. Есть поле для творчества. Ну и концерты батюшка благословляет. Сами не напрашиваемся, но приглашения порой принимаем. Два, максимум три в год, и очень серьезно готовимся. Потому что концерты – опасная штука. Если их много, начинаешь воспринимать как что-то обыденное. А здесь так нельзя ни в коем случае».

Подробнее о съезде http://www.rocmconference.org/general_info.html